

Вместе с тем приходится признать, что трактовка семиотики как своего рода органа далеко не единственная и общепринятая. Скорее наоборот. Подобный подход склонны принимать теоретико-методологически ориентированные коллеги, ориентирующиеся на традицию Пирса и Морриса. Альтернативная же традиция связывает семиотику с практикой понимания осмысленных фрагментов действительности, с описанием и интерпретацией непосредственно создаваемых людьми артефактов, чаще всего текстов. Так, Фердинанд де Соссюр считал свою семиологию «частью социальной, а следовательно, и общей психологии» [Соссюр, 1977, с. 54]. И эта дисциплина пронизывает все гуманитарное знание, оставаясь растворенной во всех его конкретных проявлениях. Тогда получается, что семиотика связана скорее с когнитивной наукой, а Соссюра можно рассматривать как своего рода предтечу когнитивной революции.

Столь очевидное фундаментальное различие заставляет задуматься о том, что, вполне возможно, имело бы смысл пользоваться двумя этими различными терминами для обозначения принципиально разных познавательных способностей и, шире, типов познания. Можно говорить о семиотике в пирсовском смысле как о методологическом органе, а также о семиологии в соссюровском смысле как о конгломерате исследовательских практик, объединенных общим трудом по освоению и пониманию создаваемых людьми смыслов. Разумеется, обе традиции тесно связаны и дополняют друг друга, однако налицо и их серьезные расхождения и даже разрывы, о чем пойдет речь далее.

Фактическое существование всех трех органов – математики, семиотики и морфологии – протекает в интеллектуальном пространстве, которое поляризовано между относительно устойчивым ядром основополагающих принципов вкупе с их теоретико-методологической проработкой и множеством достаточно своеобразных наборов исследовательских практик.

Насыщение и очищение органов

Все разнообразие модусов существования каждого из органов может быть упорядоченно представлено в пространстве между двумя полюсами, которые соответствуют *насыщенному* и *очищенному* вариантам органов. В насыщенных своих вариациях орга-

ноны существуют, будучи тесно связаны с предметной фактурой той или иной дисциплины. В этом своем модусе они могут быть эффективны для решения узких предметных задач, но менее пригодны для осуществления трансдисциплинарной интеграции. Для того чтобы такая интеграция в полной мере состоялась, необходимо отрефлексировать и проработать связь между насыщенными версиями органонов и их очищенными вариантами.

И именно здесь выявляется специфика положения математики. Математика в нынешнем своем состоянии в большей степени, чем другие органоны, реализована в очищенном своем варианте. Для других претендентов на роль трансдисциплинарных методологических интеграторов эта перспектива еще только намечается. Выработка более ясного представления об очищенных вариантах органонов – общей морфологии (общих принципах изучения форм) и общей (чистой) семиотике (общих представлениях о знаках, их устройстве и связях между ними) – в перспективе позволит более ясно проследить уже существующие трансдисциплинарные методологические связи и наметить перспективы дальнейшей, более продуктивной и систематизированной научной интеграции.

Вместе с тем даже в случае с математикой приходится признать, что ее достаточно полная конфигурация как органона-интегратора сложилась в основном стихийно, без последовательных усилий по формированию комплексной и многослойной супердисциплины. Возникает впечатление, что различные части органона получили достаточно полное развитие. Впрочем, это лишь впечатление, а не надежно установленное знание. Хотя это небесспорно. Ни полнота, ни систематичность математического знания не подвергались специальному изучению. Можно, например, предположить, что остается немало все еще не освоенных предметных и проблемных областей, в которых так и не реализованы убедительные приложения математики.

Иные конфигурации проявляются в морфологии и тем более семиотике. При всем своеобразии истории их формирования одно обстоятельство остается общим. Это высокая фрагментированность относительно изолированных друг от друга исследовательских практик, тесно увязанных со специфическими проектами изучения не менее конкретных предметов.

Таким образом, интеллектуально освоенные органонами пространства научного исследования весьма своеобразны и неод-

народны, за исключением, возможно, математики. В состоянии ли мы уловить своим взором потенциально возможную, «заполненную» нашим воображением структуру интеллектуального пространства органонов? Да, порядки переходов, их глубину, равно как и высоту, можно представить с помощью своего рода лестницы. Начать можно с самого верха. Там чистый органон вне времени и пространства. И даже без человека, а с каким-то виртуальным интеллектом, не отягощенным телом, биосферой. Ниже может быть обнаружен органон биосферно-человеческий. В таком случае туда попадает когнитивная наука. Далее идут дисциплинарные органоны, т.е. органоны, связанные с конкретными предметными сферами (опускаемся в политику – получается политическая семиотика). То же самое с математикой и с ее приложениями к физике, химии и т.д. Наконец, в самом низу лестницы появляются собственно прикладные дисциплинарные органоны, которые, ко всему прочему, связаны с некими специфическими дисциплинарными познавательными возможностями, например предметными морфологиями, вплоть до морфологии современного грузинского языка или семиологии предвыборного манипулирования в электронных медиа. Именно на этом уровне выявляются прикладные контуры органонов. Здесь создается конкретный и прагматический инструментарий, который может получить развитие, а порой и начинает получать его в виде отчетливого набора исследовательских методик, интегрированных в единый методологический комплекс.

Перспективы развития органонов и политической семиотики

При всех усилиях по выявлению интеграционного потенциала вышеперечисленных научных направлений ни в одном из этих случаев систематически и последовательно не ставилась задача разделения общенаучного ядра и специальных приложений соответствующих научных направлений. Пожалуй, только в семиотике Чарльз Моррис и Ганс-Генрих Либ наметили вектор к аналитическому разделению (и одновременному прагматическому соединению) «чистой семиотики» и ее специальных дисциплинарных вариантов вплоть до самых прикладных [Morris, 1938; Lieb, 1975]. Однако решение этой задачи так и не было доведено до конца. Тем более не ставились задачи разделения и консолидации общей ком-

паративистики, морфологии и т.п. на фоне их специальных дисциплинарных версий. Данный пробел и призван заполнить исследовательский проект Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН [Ильин, 2014; Кокарев, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015; Фомин, 2014; 2015 а; 2015 b; Золян, 2016].

В случае подтверждения выявленных интеграционных способностей можно было бы приступить к разработке того, что мы называем органонами-интеграторами. Идея таких органонов не просто апеллирует к аристотелевской [Аристотель, 1978] и бэконовской [Бэкон, 1935] традициям, но претендует на рационализацию и систематизацию выявленных интеграционных возможностей. Это, по существу, общие методологические рамки, которые включают как устойчивый методологический аппарат, так и более гибкие исследовательские практики, подтверждающие свою интегративную общенаучную и обществоведческую значимость.

Для семиотики важно преодоление разрыва между пока все еще крайне приблизительными и, можно сказать, контурными разработками общей или «чистой», по Моррису, семиотики и целым облаком более или менее развитых семиологий разного рода, укорененных в изучении кино, геральдической символики, расовой дискриминации, идеологических манипуляций и т.п. Пока же ситуация остается крайне плачевной. Чем сильнее углубляются специализированные семиологии, тем активнее они стремятся выработать свой уникальный инструментарий и даже особый язык, которые становятся все более закрытыми и герметичными. При этом импортируемые исследовательские техники, как правило, некритически заимствуются из репертуара весьма укорененных в предметности субдисциплин. А это делает соответствующие наборы плохо интегрированных исследовательских методик крайне ненадежными и зависимыми не столько от исследовательских процедур, сколько от индивидуального искусства того или иного исследователя.

В случае с многочисленными и очень сильно отличающимися друг от друга версиями так называемого политического дискурс-анализа приходится иметь дело не просто с радикально различными и порой несовместимыми версиями анализа. Они, пожалуй, составляют меньшую часть доступных в литературе опытов изучения политических текстов или эпизодов политики. Большую часть

составляют либо чистые синтетические интерпретации, либо их смешение с аналитическими процедурами. Как чистая аналитика, так и чистые интерпретации сами по себе зачастую недостаточны для проведения полноценного исследования. Приходится переходить от аналитических к интерпретационным процедурам и обратно в рамках составного, пошагового исследовательского дизайна или использовать иные способы их смешения. Однако каждое такое конкретное исследование не может выдавать сиюмоментный и случайный пример (casus) технических ухищрений за полноценную методологию.

Тем более нельзя методологически полагаться ни на какие образцы постмодернистских или постструктуралистских интерпретаций, даже одобренных добротными аналитическими ухищрениями. Они в принципе отвергают саму возможность последовательной методологии, акцентируя как раз произвольные отклонения от нее. Да и лучшие, порой блестящие примеры подобных опытов в исполнении, например, Джудит Батлер [Butler, 1997], Жана Бодрийяра [Бодрийяр, 1999] или Жака Деррида [Деррида, 2000] остаются в конечном счете скорее актами искусства, перформанса, чем науки. Их методология в принципе не поддается ни воспроизведению, ни передаче, ни тем более критической проверке.

Какой урок из этого можно извлечь с точки зрения формирования политической семиотики в рамках общего семиотического органа? Очень важный. Уникальные опыты изучения текстов или эпизодов политики, игнорирующие методологическую проблематику общей семиотики, обречены ни изолированное, герметичное существование. Их значимость для построения общей семиотики крайне ограничена. Она по большей части негативная, демонстрирующая дефицит или порой отсутствие методологической составляющей. Надеяться на обобщение и индуктивное наращивание семиотического органа, отталкиваясь от разрозненных и случайных опытов, наивно и даже опасно.

Куда реалистичнее использовать более или менее последовательные опыты критического анализа дискурсов или их методологически заточенного ядра. Тут происходит формирование вполне прагматического инструментария, а то и отчетливого набора исследовательских методик, которые могут быть интегрированы в единый методологический комплекс политической семиотики.

Однако наиболее действенным и убедительным подходом является выстраивание семиотического органа сверху. На практике это означает, что уже достаточно заметному и расширяющемуся кругу коллег, пытающихся практиковать анализ политических дискурсов, необходимо пройти школу освоения основ семиотики хотя бы моррисовской версии. Разумеется, это будет не более чем ликбезом. Одновременно уже от методологически ориентированных семиотиков требуется расширить и насытить содержательное поле общей семиотики за счет реинтеграции в него как достижений неосвоенной классики (Ч. Пирс [Peirce, 1982], В. Уэлби [Welby, 1985] и др.), так и альтернативных методологических подходов (К. Бюлер [Бюлер, 1993], Я. Икскуль [Uexküll, 1982], А. Греймас [Greimas, Courté, 1979] и др.).

Остановимся на одной лишь возможности. Предложенная Карлом Бюлером модель, или органон знака, позволяет сделать отправным моментом коммуникационное взаимодействие [Бюлер, 1993], а не материальный носитель знака, в отличие от семиологии Соссюра [Соссюр, 1977] и даже классической семиотики Пирса-Морриса [Peirce, 2012; Morris, 1938]. В этом случае прагматическая перспектива, имеющая ключевое значение для критического анализа дискурсов, будет не завершающей надстройкой, а фундаментом семиотической методологии. Это в свою очередь позволит начинать и завершать анализ целостными речевыми актами (speech acts) или фактами коммуникации, а не заикливаться на атомарных единицах смысла. При всей своей безусловной важности они остаются только лишь материалом для создания осмысленных эпизодов политики и для научного изучения таких эпизодов.

Работа предстоит большая и долгая. И разворачивать ее надлежит уверенно и без колебаний, преодолевая все еще господствующие в политологической среде предрассудки, будто семиотика «всего лишь лингвистика» и не имеет никакого отношения ни к политике, ни к социальному познанию вообще.

Список литературы

- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 265–278.
Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 2 (Органон). – М.: Мысль, 1978. – 688 с.

- Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
- Бэкон Ф.* Новый Органон. – Ленинград: Соцэкгиз. Ленинградское отд-ние, 1935. – 382 с.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
- Гёте И.В. фон.* Метаморфозы растений // Гёте И.В. фон. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: АН СССР, 1957. – С. 20–57.
- Деррида Ж.* Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.
- Золян С.Т.* Семиотика как органон гуманитарного знания: возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6. – В печати.
- Ильин М.В.* Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурса-анализа // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2015. – № 1–2. – С. 43–47.
- Ильин М.В.* Patrimonium et impregium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии. Часть первая // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2014. – № 3. – С. 5–21.
- Ильин М.В.* Политический дискурс // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 537–544.
- Кокарев К.П.* Институционализм: Сад расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 192–202.
- Круглый стол «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органа научного знания?» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 122–142.
- Локк Дж.* Сочинения в 3-х томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с франц.; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015 а. – № 2. – С. 8–25.
- Фомин И.В.* Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 143–160.
- Фомин И.В.* Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин РАН. ИНИОН. – М., 2015 б. – Вып. 5. – С. 208–219.
- Butler J.* Excitable speech: A politics of the performative. – N.Y.; L.: Routledge, 1997. – 185 p.
- Goethe J.W.* Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären. – Gotha: C.W. Ettinger, 1790. – 86 p.

- Greimas A.J., Courtés J.* Sémiotique: dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – Paris: Hachette, 1979. – 422 p.
- Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften. – Berlin: Reimer, 1913. – S. 1–163.
- Lieb H.H.* On subdividing semiotic // Pragmatics of natural languages. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1975. – P. 94–119.
- Locke J.* An essay concerning human understanding. – Amherst, N.Y.: Prometheus books, 1995. – 624 p.
- Morris C.W.* Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – Vol. 1, N 2. – 59 p.
- Nöth W.* Handbook of semiotics. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press. 1990. – 576 p.
- Parsons T.* Societies: evolutionary and comparative perspective. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – 120 p.
- Peirce C.* Philosophical writings of Peirce. – N.Y.: Dover publications, 2012. – 416 p.
- Peirce C.S.* Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition. – Vol. 1: 1857–1866. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – 736 p.
- Peirce C.S.* Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition. – Vol. 1: 1857–1866. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – 736 p.
- Uexküll J. von.* The theory of meaning // Semiotica. – Amsterdam, 1982. – 42 (1). – P. 25–82.
- Welby V.* Significs and language: the articulate form of our expressive and interpretive resources / Ed. H.W. Schmitz. – Amsterdam: Benjamins, 1985. – 151 p.